

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ЧАРЛЬЗ
ДИККЕНС

Посмертные записки
Пиквикского клуба

МОСКВА
2024

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д45

Charles Dickens
The Pickwick Papers

Перевод с английского *А. Кривцовой, Е. Ланна*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художника *Гарольда Коппинга*

Диккенс, Чарлз.

Д45 Посмертные записки Пиквикского клуба / Чарльз Диккенс ; [перевод с английского А. Кривцовой, Е. Ланна]. — Москва : Эксмо, 2024. — 736 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-162725-6

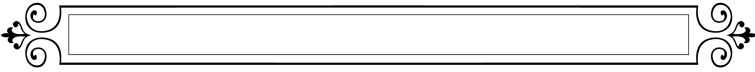
Роман о клубе чудаков, которые путешествуют по Англии и наблюдают человеческие характеры, — любимая книга многих поколений читателей. Комическая эпопея, в центре которой неунывающий английский Дон-Кихот — эксцентричный, наивный и трогательный мистер Пиквик. Этому герою, как и самому писателю, хватило в жизни непредвиденных случайностей, не говоря уже о близком знакомстве с тюрьмой, судом, постоянными дворами и парламентскими дебатами

Публикация романа вызвала необыкновенный фурор, появилась «пиквикская» мода — шляпы, трости и сигары, люди и даже домашние собачки с кошками получали прозвища по именам героев.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-162725-6

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих записок предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неумолимой усидчивости и похвальной проницательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр*, В. П. Ч. П. К.¹ В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К.² озаглавленное: «Размышления об истоках Хемстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки»; за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюэлу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.;

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет в пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, — не меньшей, чем от неумолимых изысканий Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле**, — не может не выразить глубокой уверенности в неоценимости благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие,

¹ Вице-президент, член Пиквикского клуба.

² Президент, член Пиквикского клуба.

раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюэла Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюэл Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр, Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли;

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип — оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества продолжали свои изыскания, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие».

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в плешивой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу секретаря во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хемстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки, — восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий пред-

ставитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: «Пиквик!» — исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на виндзорское кресло, в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые — облекая они человека заурядного — не заслуживали бы внимания, но когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемены: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоне невиданный блеск новой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а, так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуравает его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувства-

ми (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: «Нет!»); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него — угроза поджога*, любовь к человечеству — страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги, — он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Коллушки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: «Стяжала!» Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но, если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он — человек незначительный. («Нет! Нет!») Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты**опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, голос: «Нет!») Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко «нет», выступит и попробует это отрицать. (Возгласы одобрения.) Кто произнес «нет»? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать — галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (мистера Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? («К порядку!», «Председатель!», «Да!», «Нет!», «Продолжайте!», «Довольно!», «Довольно!»)

Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен — хвостун! (Полное смятение, громкие крики: «Председатель!», «К порядку!»)

Мистер Снодграсс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. («Слушайте!») Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной распре между членами клуба? («Правильно!»)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон, не колеблясь, отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. («Правильно! Правильно!») Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. («Правильно! Правильно!»)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

ГЛАВА II

Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями

Солнце — этот исполнительный слуга — едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюэл Пиквик наподобие другого солнца воспрянул от сна, открыл окно в комнате и воззрился на мир, распростертый внизу. Госуэлл-стрит лежала у ног его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдали, Госуэлл-стрит простиралась налево, и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы, — размышлял мистер Пиквик, — и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой

там истине. Могли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуэлл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. С бритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке, с подозрительной трубкой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовый принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания, — прибыл на стоянку карет Сент-Мартенс-Ле-Гранд.

— Кеб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэръ! — заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то колледжии диковинок. Это был уотермен*.

— Пожалуйте, сэръ! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кебмен был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

— «Золотой Крест», — приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб**, Томми, — хмуро сообщил кебмен своему другу уотермену, когда кеб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два, — ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кебмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрелся на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели, — был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле***, — заметил равнодушно возница, — но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи, да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому Кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кеба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

— Получите, — протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие — рассчитаться с ним (мистером Пиквиком).

— Вы с ума сошли, — сказал мистер Снодграсс.

— Или пьяны, — сказал мистер Уинкль.

— Вернее, и то и другое, — сказал мистер Тапмен.

— А ну, выходи! — сказал кебмен и, как машина, завертел перед собой кулаками. — Выходи... все четверо на одного.

— Ну, и потеха! За дело, Сэм! — поощрительно закричали несколько наемных кучеров и, бурно веселясь, обступили компанию.

— Что за шум, Сэм? — любопытствовал джентльмен в черных коленкорových нарукавниках.

— Шум! — повторил кебмен. — А зачем понадобился ему мой номер?

— Да ваш номер мне совсем не нужен! — отозвался удивленный мистер Пиквик.

— А зачем вы его занесли? — не отставал кебмен.

— Я никуда его не заносил! — возмутился мистер Пиквик.

— Подумайте только, — апеллировал возница к толпе, — в твой кеб залезает шпион и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь, в придачу. — Мистера Пиквика осенило: записная книжка.

— Да ну! — воскликнул какой-то другой кебмен.

— Верно говорю! — подтвердил первый. — А потом распалил меня так, что я в драку полез, а он и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кебмен швырнул шляпу на землю, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос мистеру Пиквику, второй — в грудь мистеру Пиквику, третий — в глаз мистеру Снодграссу, четвертый, разнообразия ради, — в жилет мистеру Тапмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад, на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас дыхания из мистера Уинкля — все это в течение нескольких секунд.

— Где полисмен?! — закричал мистер Снодграсс.

— Под насос их! — посоветовал торговец горячими пирожками.
— Вы оплатите за это! — задыхался мистер Пиквик.
— Шпионы*! — орала толпа.
— А ну, выходи! — кричал кебмен, все время не переставая вертеть перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но когда пронеслось, что пиквикисты — шпионы, в толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществить ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника, и трудно сказать, на каком насилии над личностью решили бы остановиться, если бы скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

— Что за потеха? — спросил довольно высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

— Шпионы! — снова заревела толпа.

— Мы не шпионы! — завопил мистер Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

— Так, значит, не шпионы? Нет? — обратился молодой человек к мистеру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

— Идемте! — проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой мистера Пиквика и не переставая болтать. — Номер девятьсот двадцать четвертый, возьмите деньги, убирайтесь — почтенный джентльмен — хорошо его знаю — без глупостей — сюда, сэр — а где ваши друзья? — сплошное недоразумение — не придавайте значения — с каждым может случиться — в самых благоустроенных семействах — не падайте духом — не повезло — засадить его — пусть попробует — узнает, чем пахнет — ну и каналы!

И, продолжая нанизывать подобного рода бессвязные фразы, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал мистер Пиквик со своими учениками.

— Лакей! — заорал незнакомец, неистово потрясая колокольчиком. — Стаканы — грог** горячий, крепкий, сладкий, на всех — глаз подбит, сэр? — лакей! — сырой говядины джентльмену на глаз — сырая говядина — лучшее средство от синяков, сэр, — холодный фонарный столб — очень хорошо — но фонарный столб неудобно — чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу — ха-ха! — не так ли? — отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты грога и бросился в кресло с такой непринужденностью, как будто ничего необычного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у мистера Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был не выше среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху «ласточкиных хвостов» его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, по-видимому, и в те времена облекал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Фрак был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные панталоны со штрипками были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, дабы скрыть грязные белые чулки, которые тем не менее оставались на виду. Из-под его измятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы, а между обшлагами фрака и перчатками виднелись голые руки. Худое лицо его казалось изможденным, но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неописуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого мистер Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья мистера Пиквика исчерпали запас признательности, мистер Пиквик в самых изысканных выражениях поблагодарил его за только что оказанную помощь.

— Пустяки! — сразу прервал его незнакомец. — Не о чем говорить — ни слова больше — молодчина этот кебмен — здорово работал пятерней — но будь я вашим приятелем в зеленой куртке — черт возьми — свернул бы ему шею — ей-богу — в одно мгновение — да и пирожнику вдобавок — зря не хвалюсь.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что комодор* сейчас отойдет.

— Комодор? — воскликнул незнакомец, вскакивая с места. — Моя карета — место заказано — наружное — можете заплатить за грог — нужно менять пять фунтов — серебро фальшивое — брамеджемские пуговицы** — не таковский — не пройдет.

И он лукаво покачал головой.

Случилось так, что мистер Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере*** первую остановку; сообщив новоявленному знакомому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

— Наверху вместе с вами, — проговорил незнакомец, подсаживая мистера Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

— Багаж, сэ? — спросил кучер.

— Чей? Мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге, и только — остальной багаж идет водой — ящики заколоченные — величиной с дом — тяжелые, чертовски тяжелые! — отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок. — Головы, головы! Берегите головы! — кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. — Ужасное место — страшная опасность — недавно — пятеро детей — мать — женщина высокая, ест сандвич — об арке забыла — кряк — дети оглядываются — мать без головы — в руке сандвич — нечем есть — глава семьи обезглавлена — ужасно, ужасно! — Рассматриваете Уайтхолл*, сэ? Прекрасное место — маленькое окно — там тоже кое-кому голову сняли — а, сэ? — он тоже зазевался — а, сэ? а?

— Я размышлял, — сказал мистер Пиквик, — о странной превратности человеческой судьбы.

— О! Понимаю! Сегодняходишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Сэр — философ?

— Наблюдатель человеческой природы, сэ, — ответил мистер Пиквик.

— Ну? Я — тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела и еще меньше дохода. Сэр — поэт?

— У моего друга мистера Снодграсса большая склонность к поэзии, — ответил мистер Пиквик.

— Как и у меня, — сказал незнакомец. — Эпическая поэма — десять тысяч строк — июльская революция — сочинил на месте происшествия — Марс днем, Аполлон ночью — грохот орудий, бряцание лиры...

— Вы были свидетелем этого замечательного события, сэ? — спросил мистер Снодграсс.

— Свидетелем? Еще бы — заряжаю мушкет — заряжаюсь идеей — бросился в винный погребок — записал — назад — бац! бац! — новая идея — снова в погребок — перо и чернила — снова назад — режь, руби — славное время, сэ.

Он неожиданно повернулся к мистеру Уинклю:

— Спортсмен, сэ?

— Немного, сэ, — ответил этот джентльмен.

— Прекрасное занятие, сэ — превосходное занятие — собаки, сэ?

— Сейчас нет.

— Что вы! Займитесь собаками — прекрасные животные — умные твари — был у меня пес — пойнтер — удивительное чутье — однажды вышли на охоту — огороженное место — свистнул — собака ни с места — снова свистнул — Понто! — ни с места: как вкопанная — зову —

Понто! Понто! — не двигается — собака приросла к месту — уставилась на забор — взглянул и я — вижу объявление: «Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду» — не пошла — изумительный пес, редкий был пес — весьма!

— Факт исключительный! — заметил мистер Пиквик. — Позвольте записать.

— Пожалуйста, сэр, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке. — Хорошенькая девочка, сэр? — Сие относилось к мистеру Треси Тапмену, расточавшему отнюдь не пиквикистские взгляды юной леди, стоявшей у дороги.

— Очень! — согласился мистер Тапмен.

— Ну, англичанки не так хороши, как испанки — прелестные создания — волосы — черные как смоль — глаза черные — стройные фигуры — чудные создания — красавицы!

— Вы были в Испании, сэр? — спросил мистер Тапмен.

— Жил там целую вечность.

— Много одержали побед, сэр? — допытывался мистер Тапмен.

— Побед? Тысячи! — Дон Болеро Фицгиг — гранд — единственная дочь — донна Христина — прелестное создание — любила меня до безумия — ревнивый отец — великодушная дочь — красивый англичанин — донна Христина в отчаянии — синильная кислота — у меня в чемодане желудочный зонд — сделали промывание — старик Болеро Фицгиг в восторге — соглашается на наш союз — руки соединены и море слез — и романтическая история — весьма!

— Эта леди теперь в Англии, сэр? — полюбопытствовал мистер Тапмен, на которого описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

— Умерла, сэр, умерла, — сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка, — не могла оправиться после промывания — слабый организм — пала жертвой.

— А отец? — задал вопрос поэтический мистер Снодграсс.

— Угрызения совести и отчаяние — внезапное исчезновение — город только об этом и говорит — ищут повсюду — безуспешно — вдруг перестал бить фонтан на главной площади — недели идут — засорился — рабочие начинают чистить — вода выкачана — нашли тества — застрял головой вперед в трубе — полная исповедь в правом сапоге — вытащили, и фонтан забил по-прежнему.

— Вы позволите мне записать эту романтическую историю, сэр? — спросил потрясенный мистер Снодграсс.

— Сколько угодно, сэр, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу — необыкновенная у меня жизнь — любопытная биография — ничего исключительного, но все же необычно.

В таком духе — а в виде вводных предложений пропуская по стаканчику эля, когда меняли лошадей, — разглагольствовал незнакомец, пока они не достигли Рочестерского моста, и за это время записные книжки мистера Пиквика и мистера Снодграсса вместили немало его приключений.

— Величественные развалины! — воскликнул мистер Огастес Снодграсс с отличавшим его поэтическим пылом, когда перед ними открылся вид красивого старого замка.

— Какая находка для любителя древности! — вырвалось из уст мистера Пиквика, когда он приставил к глазу подзорную трубу.

— Прекрасное место, — сказал незнакомец, — славная руина — хмурые стены — шаткие своды — темные закоулки — лестницы вот-вот рухнут — древний собор — затхлый запах — древние ступени стертые ногами пилигримов — маленькие саксонские двери* — исповедальни, словно будки театральных кассиров — чудной народ эти монахи — папы и лорды-казначей и всякого рода старцы с толстыми, красными физиономиями и сломанными носами — колеты буйволовой кожи — кремневые ружья — саркофаг — прекрасное место — древние легенды — странные истории — чудесно!

И незнакомец продолжал монолог, пока они не подъехали к гостинице «Бык» на Хай-стрит, куда подкатила карета.

— Вы остановитесь здесь, сэр? — спросил мистер Уинкль.

— Здесь? — Нет — вам советую — хорошее заведение — прекрасные постели — рядом гостиница Райта, дорого — очень дорого — только посмотришь на слугу, приписывается полкроны к счету — обедаете у друзей, насчитывают еще больше, чем если б вы обедали в гостинице — странные типы — весьма!

Мистер Уинкль прошептал несколько слов мистеру Пиквику; шепот перешел от мистера Пиквика к мистеру Снодграссу, от мистера Снодграсса к мистеру Тапмену, и они обменялись знаками согласия. Мистер Пиквик обратился к незнакомцу:

— Сегодня утром, сэр, вы оказали нам важную услугу. Разрешите хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мы просим оказать нам честь отобедать с нами.

— С большим удовольствием — не смею распоряжаться, но жареная курица с грибами — превосходная вещь! В котором часу?

— Позвольте, — вытаскивая часы, ответил мистер Пиквик. — Сейчас около трех. Назначим на пять?

— Очень удобно, — сказал незнакомец, — ровно в пять — а пока — всего хорошего.

И, приподняв на несколько дюймов помятую шляпу и небрежно надев ее набекрень, незнакомец, с торчащим из кармана пакетом в оберточной бумаге, быстро пересек двор и свернул на Хай-стрит.

— Очевидно, он изъездил много стран и пристально наблюдал людей и события, — сказал мистер Пиквик.

— Мне бы хотелось взглянуть на его поэму, — сказал мистер Снодграсс.

— А мне бы очень хотелось видеть эту собаку, — сказал мистер Уинкль.

Мистер Тапмен не сказал ничего. Но думал он о донне Христине, о зонде для промывания желудка и о фонтане. Слезы выступили у него на глазах.

Заняв отдельную гостиную, осмотрев спальни, заказав обед, они все вместе отправились осматривать город и ближайшие окрестности.

Внимательно читая заметки мистера Пиквика о четырех городах — Страуде, Рочестере, Четеме и Бромтоне, — мы не нашли, чтобы его впечатления существенно отличались от впечатлений других путешественников, побывавших в тех же городах. Мы слегка сокращаем его описание.

«Главное, что водится в этих городах, — пишет мистер Пиквик, — это, по-видимому, солдаты, матросы, евреи, мел, креветки, офицеры и портовые чиновники. На более людных улицах выставлены на продажу: разная рухлядь, леденцы, яблоки, камбала и устрицы. Улицы имеют оживленный вид, чему главным образом способствует веселый нрав военных. Для ума, вдохновленного любовью к человечеству, является истинным наслаждением созерцать этих храбрецов, бродящих по улицам и пошатающихся от избытка жизненных сил и горячительных напитков, особенно если мы вспомним, что следовать за ними и обмениваться с ними шутками доставляет дешевое и невинное развлечение подрастающего поколения. Ничто (добавляет мистер Пиквик) не может нарушить их добродушия. За день до моего приезда один из них был оскорблен самым грубым образом в трактире. Буфетчица наотрез отказалась отпустить ему новую порцию напитков, в ответ на что он (разумеется, шутя) извлек свой штык и ранил ее в плечо. И все же славный малый сам пришел на следующее утро в трактир и выразил готовность не придавать значения этому делу и позабыть то, что произошло.

Потребление табака в этих городах, — продолжает мистер Пиквик, — должно быть, очень значительно. Улицы пропахли табачным дымом, и этот запах, вероятно, чрезвычайно приятен любителям курения. Поверхностный наблюдатель обратит, пожалуй, внимание на грязь, отличающую эти города; но тот, для кого она свидетельствует об уличном движении и о расцвете торговли, будет вполне удовлетворен».

Ровно в пять часов явился незнакомец, а немного спустя и обед. Со своим пакетом в оберточной бумаге незнакомец расстался, но пере-

мен в его внешности никаких не произошло; и говорлив он был еще больше, если это только возможно.

— А тут что? — спросил он, когда слуга снял крышку с одного из блюд.

— Камбала, сэр.

— А, камбала! — Превосходная рыба — идет из Лондона — владельцы пассажирских карет устраивают политические обеды — доставка камбалы — десятками корзин — ловкие ребята — стаканчик вина, сэр?

— С удовольствием, — согласился мистер Пиквик; и незнакомец выпил сперва за его здоровье, затем за здоровье мистера Снодграсса, затем за здоровье мистера Тапмена, затем за здоровье мистера Уинкля и, наконец, за всех вместе; и все это проделал так же стремительно, как болтал.

— Чертовская сутолока на лестнице, лакей, — сказал он. — Скамейки наверх — плотники вниз — лампы, стаканы, арфы. Что-нибудь готовится?

— Бал, сэр, — ответил слуга.

— Ассамблея, а?

— Нет, сэр, не ассамблея, сэр. Бал с благотворительной целью, сэр.

— Не знаете ли, сэр, много в этом городе хорошеньких женщин? — с великим интересом спросил мистер Тапмен.

— Блистательны! — Превосходны! Кент*, сэр! — Кто не знает Кента! — Яблоки, вишни, хмель и женщины. Стаканчик вина, сэр?

— С большим удовольствием, — согласился мистер Тапмен. Незнакомец налил и выпил.

— Мне бы очень хотелось посетить, — молвил мистер Тапмен, под-разумевая бал. — Очень бы хотелось.

— Билеты в буфете, полгинеи, сэр, — ввернул слуга. Мистер Тапмен снова выразил горячее желание побывать на балу; но, не встретив сочувствия в помутившихся глазах мистера Снодграсса и в отсутствующем взгляде мистера Пиквика, он утешился, отдав должное портвейну и десерту, появившимся на столе.

Слуга удалился, и компания осталась наслаждаться приятным послеобеденным препровождением времени.

— Прошу прощения, сэр, — начал незнакомец, — бутылка оплачена — пустите — по кругу — по солнцу — пить до дна.

И он осушил стакан, который наполнил минуты две назад, и налил другой с видом человека, весьма к этому привычного.

Вино было выпито, потребовали еще. Гость говорил, пиквикисты слушали. С каждой секундой мистер Тапмен все пламенней мечтал о бале. Выражение всепоглощающей доброты разливалось на лице мистера Пиквика; а мистер Уинкль и мистер Снодграсс заснули крепким сном.

— А наверху уже началось, — сказал незнакомец. — Слушайте — настраивают скрипки — арфу — поехали!

Звуки, доносившиеся сверху, возвестили о начале первой кадрили.

— Как бы мне хотелось пойти! — снова молвил мистер Тапмен.

— И я не прочь, — сказал незнакомец, — проклятый багаж — везут на баркасах — не в чем идти — досадно! — досадно!

Одним из основных начал пиквикистской теории была доброжелательность, и этому благородному принципу мистер Треси Тапмен следовал с большим рвением, чем кто бы то ни было. В протоколах клуба почти в невероятном количестве упоминаются случаи, когда этот превосходный джентльмен направлял объекты благотворительности к другим членам клуба за поношенным платьем или за денежным пособием.

— Я бы с удовольствием одолжил вам для этого дела свой костюм, — начал мистер Треси Тапмен, — но вы худощавы, тогда как я...

— Толстоват — как Бахус в зрелом возрасте — снявший листья, слезший с бочки и облачившийся в сукно, а?— Ха-ха! Не валяно, а напялено? Переправьте бутылку.

Задел ли мистера Тапмена повелительный тон, каким было выражено требование переправить вино, с которым незнакомец тут же покончил, или он весьма справедливо почувствовал себя шокированным тем, что влиятельный член Пиквикского клуба постыдно сравнивался с Бахусом, слезшим с бочки, — этот вопрос достаточно не выяснен. Он передал бутылку, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на знакомого; но, так как этот субъект оставался вполне спокойным и совершенно безмятежным под его испытующим взглядом, он постепенно смягчился и снова вернулся к теме о бале.

— Я хотел сказать, сэр, — начал он, — если мой костюм вам широк, то костюм моего друга мистера Уинкля, пожалуй, будет впору.

Незнакомец взглядом снял мерку с мистера Уинкля и, просияв, удовлетворенно бросил:

— В самую пору!

Мистер Тапмен огляделся вокруг. Вино, возмевшее снотворное действие на мистера Снодграсса и мистера Уинкля, отуманило мозг мистера Пиквика. Сей джентльмен постепенно проходил все те стадии, какие предшествуют летаргии, вызванной обедом. Он прошел все этапы, спускаясь с высот бурной веселости в глубины отчаяния, а из глубин отчаяния снова возносясь на вершины веселья. Подобно уличному газовому фонарю, когда ветер задувает в трубку, он на момент вспыхнул неестественно ярким светом, затем потускнел так, что едва можно было его различить, после короткого перерыва снова разгорелся, опять замигал и замерцал и, наконец, угас окончательно.

Голова его поникла на грудь; и только непрерывный храп да наступавшие время от времени короткие вдохи, напоминавшие припадку удушья, оставались единственными доступными слуху указаниями на присутствие великого мужа.

Желание попасть на бал и оценить красоту кентских леди томило мистера Тапмена. Желание захватить с собой нового знакомого было не менее сильно. Города и его обитателей он не знал, а новый приятель настолько был в курсе дела, что, казалось, жил в этих краях с самого детства. Мистер Уинкль спал, а мистер Тапмен был достаточно опытен в таких делах и знал, что в момент пробуждения тот — согласно природе вещей — способен только на одно — рухнуть в постель. Он пребывал в нерешительности.

— Налейте себе и передайте бутылку, — напомнил неугомимый гость.

Мистер Тапмен совершил то, что от него требовалось, и добавочный стимул последнего стакана подсказал ему решение.

— К Уинклю можно попасть через мою спальню, — сказал он, — если я его сейчас разбудю, все равно он не поймет, что мне от него нужно; но я знаю, что у него в саквояже есть фрачная пара, и, если вы ее наденете на бал, а затем, когда мы вернемся, снимете, я уложу ее в саквояж, вовсе не беспокоя его по этому поводу.

— Превосходно, — одобрил гость, — великолепный план — глупейшее положение — четырнадцать костюмов в багаже, а приходится надевать чужой — замечательная идея — весьма!

— Нужно купить билеты, — решил мистер Тапмен.

— Не стоит дробить гинею — бросим жребий, кому платить за обоих — я называю; вы пускайте — раз — женщина, женщина, очаровательная женщина! — И соверен упал кверху драконом* (из любезности наименованным женщиной).

Мистер Тапмен позвонил, купил билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа новый знакомец был полностью облачен во фрачную пару мистера Натэниела Уинкля.

— Это новый фрак, — объяснил мистер Тапмен, пока гость с большим удовлетворением разглядывал себя в стенное зеркало. — Первый фрак со значком нашего клуба! — И он обратил внимание приятеля на большой позолоченный значок, в центре которого красовался бюст мистера Пиквика, а по сторонам его инициалы П. К.

— П. К.? — спросил тот. — Странное украшение — портрет этого старикана и П. К.? Что это значит — П. К.? Прескверный костюм, а?

Мистер Тапмен серьезно и не без раздражения раскрыл таинственные инициалы.

— Талия коротковата, — сказал новый знакомец, вертясь перед зеркалом, чтобы разглядеть пуговицы на талии, которые пришлось